

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ

В. С. ГРЕХНЕВ

ВАРИАНТ ЛЕКЦИИ ПО СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ НА ТЕМУ «СУБЪЕКТЫ ИСТОРИИ»

ПЛАН

1. Понятие «субъект истории» в философско-историческом исследовании.
2. «Народ», «толпа», «публика» в общественном развитии.
3. Роль личности в истории.

История – процесс и результат общественного развития – реализуется через деятельность преследующих свои цели людей. Именно люди выступают движущими силами, или субъектами всех общественных изменений, поскольку только они способны «осознавать себя и действовать для себя» (Гегель). Ведь сама история, как понятно, «не сражается ни в каких битвах», «не «история», а именно человек, действительный, живой человек – вот кто делает все это, всем обладает и за все борется» (Ф. Энгельс). Принимая эти очевидные положения за основу, нельзя не согласиться с тем, что практически невозможно глубоко и обстоятельно осмыслить исторический процесс общественного развития, абстрагируясь от людей как его субъектов. Известно, что в философском анализе понятие «субъект» (от латинского слова *subjectus* – находящийся внизу, в основе) обозначает носителя любой деятельности, направленной на объект – внешние предметы и условия его существования. Собственно, это означает, что только люди могут выступать субъектами, ибо только они делают свою жизнедеятельность предметом своего сознания и своей воли. При этом субъект – это не пассивный продукт внешне данных объективных обстоятельств, а именно источник активности, творец своих жизненных условий, а следовательно, существо,

которое способно не только приспособиться к окружающему миру, но и изменить его. В этой связи понятно, что субъектом – носителем сознательной деятельности по сохранению или изменению среды своего существования – могут выступать как отдельные индивиды, так и различные социальные группы (слои, классы, нации, общественные объединения). Социальная философия, изучая закономерности общественных процессов, анализирует в том числе и возможности различных групп людей и личностей управлять общественной жизнью, воздействовать и направлять ход ее развития. Ведь благодаря конкретному определению субъекта исторического действия постигается характер и способ его воздействий на преобразование социальной реальности, уясняются значимые цели и задачи общественной жизнедеятельности людей. Именно поэтому в социальной философии проблема субъектов истории – это прежде всего вопрос о роли народных масс (народа) и личностей в общественном развитии. Это давний вопрос, который практически всегда ставился в философии, но, правда, по-разному решался в ней.

В философско-социологическом анализе понятие «народ» имеет разные значения. Народ – это и население (население) какой-либо области, региона, страны, и этнос (например народ коми), и некоторая социально-политическая общность, например советский или американский народ, – понятия, используемые в юридических документах, конституциях или международных декларациях. Совсем иное содержание в это понятие вкладывали славянофилы и народники. Известно, что они широко использовали понятие «народ» в значении – простые люди, труженики, т. е. все те, кто потом и кровью добывает хлеб насущный. Народу, народной массе они всегда противопоставляли любую элиту: господ, хозяев, власть предержащих, клира. Схожее толкование понятия «народ» отличает и марксистскую философско-социологическую теорию, где народ – это те классы и слои, которые своей деятельностью объективно реализуют прогрессивные задачи общественного развития. Основу народа с точки зрения марксистов всегда, во всех типах обществ составляют трудящиеся классы (рабочие, крестьяне, ремесленники).

Говоря о многозначности толкований понятия «народ», нельзя не видеть, что это понятие в философско-социологическом анализе обычно связывается с некоторой коллективностью, массой, в которую входят все и каждый, составляющие данную конкретно-историческую совокупность людей. Видимо, поэтому любой человек сегодня может сказать, как некогда говорил о себе Робеспьер: «Я не являюсь ни низкопоклонником, ни трибуном, ни защитником народа, я сам народ».

Коль скоро в современном толковании «народ» – это всякая конкретно-историческая коллективность (точно так же, как, например, и класс, и нация), то вполне закономерно возникает вопрос о том, каково целевое назначение этого понятия в социальном анализе. Известно, что в русской революционно-демократической публицистике (Н. Г. Чернышевский, П. Н. Ткачев и др.) и в марксистском общественном знании «народ» – это творец истории, решающая сила процесса общественных изменений, в отличие от любой исторически значимой (выдающейся) личности. У К. Маркса в этой связи даже сформулирован закон возрастающей роли народных масс в истории: «Вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объем массы, делом которой оно является»¹. Исторический материализм обосновывал все возрастающую решающую роль народных масс в истории тем, что, во-первых, народ – это главная производительная сила общества, создающая все материальные условия жизнедеятельности людей; во-вторых, народ – участник всех социально-политических преобразований общества, массовая база всех классовых битв, революций; в-третьих, народ – источник и носитель духовной культуры общества.

Таким образом, в марксистской философско-социологической теории положение о том, что народ является творцом истории, все возрастающей решающей силой исторического процесса, рассматривается как всеобщая закономерность, как неизменная объективная тенденция всего общественного развития. Спор нет, народ как общность, масса людей действительно является субъектом, творцом истории, поскольку реально созидает мате-

---

¹Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство//К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 2. С. 90.

риальные и духовные ценности, является участником и исполнителем своей собственной жизненной драмы. Вместе с тем, подчеркивая правильность такого вывода о роли народа в истории в целом, в общем, в тенденции, вряд ли правомерно и абсолютизировать эту его роль применительно к каждому отдельному случаю в объяснении динамики того или иного общественного процесса. (Вполне понятно, что такого рода абсолютизация обычно ведет к схематизации в изучении самой истории, ибо предельно универсализирует и деперсонализирует развитие общественных процессов.) Народ – это не какое-то аморфное образование, а всегда определенная конкретно-историческая, т. е. статистическая, вероятностная и ситуативная общность людей, и эта меняющаяся в зависимости от пространства и времени общность не только различным образом отражает и оценивает обстоятельства своей жизнедеятельности, но и соответственно по-разному реагирует на них. Это значит, что роль народа в различных ситуациях не одинакова: то он безмолвствует и выступает статистом неких, заранее кем-то срежиссированных деяний, и тогда его роль, даже вопреки его собственным интересам, сведена к нулю (таких примеров очень много), то он активный участник, от поддержки или неподдержки которого зависит весь дальнейший ход событий. Все это показывает, что о роли народа в общественных изменениях также надо судить конкретно-исторически, ситуативно. Надо видеть, что сами народные массы как совокупность, общность людей могут быть организованы или дезорганизованы, могут состоять из различных других (иного уровня) социальных коллективностей. Соответственно они по-разному оказывают свое влияние на ход исторического процесса. Не случайно В. И. Ленин, подчеркивая ведущую роль народных масс, все же в отличие от революционных демократов считал необходимым всегда говорить, что они делятся на классы, что классы организуются партиями, а партии выдвигают своих руководителей, вождей, ответственно служащих делу народа². Последнее, естественно, отнюдь не означает, что использование классового или

---

²См.: Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме//Полн. собр. соч. Т. 41. С. 24.

любого иного, еще более конкретного подхода в социально-философском исследовании общественного развития делает понятие «народ» как бы лишним.

Категория «народ» (народные массы) выполняет важную функцию в социально-философском анализе. Она позволяет зафиксировать массовую вовлеченность или, наоборот, невовлеченность различных неотдифференцированных групп людей в исторический процесс преобразований. Так, скажем, Х. Ортега-и-Гассет с помощью этого понятия показал широкое вовлечение людей в политику, выразив это как «восстание масс»³. Кроме того, это понятие позволяет обратиться к анализу общественных образований и связанных с ними процессов, которые являются внутренне неоднородными (гетерогенными) из-за различных социальных слоев, их наполняющих. В этом случае с помощью этого понятия исследуется феномен «массовой культуры», анализируются демографические процессы, а также массовые движения экологов, сторонников мира, ненасилия и т. п.

В философско-социологическом знании наряду с тем, что народ рассматривается всегда только позитивно, движущей силой общественного прогресса, получила довольно широкое распространение и такая концепция, в которой народ отождествляется с толпой и рассматривается всецело косной, инертной и, как правило, лишь разрушительной силой в историческом процессе. Наиболее последовательно такой позиции, например, придерживался Н. К. Михайловский³. Не соглашаясь с ним в том, что народ всегда уподобляется толпе и выступает только разрушительно в истории, все же было бы неправомерно напрочь отбрасывать эту концепцию, не видеть в ней ряд заслуживающих внимания моментов.

Как в понятии народа всегда должно учитываться статистическое, вероятностное и ситуативное его содержание, точно так же и в понятии толпы нельзя исключать эти характеристики. Ведь, по Г. Лебону, толпа – это такое скопление (совокупность) людей по любому поводу, которое составляет единое существо⁴.

3См.: Михайловский Н. К. Герои и толпа // Сочинения. Т. 6 СПб., 1899.

4См.: Лебон Г. Психология народа и масс. СПб., 1995.

Соответственно толпа как общность тоже может быть разной: пассивной и активной. Она может быть в зависимости от конкретной ситуации выжидающей, внимающей, манифестирующей, действующей, а в своих действиях – обожающей, ненавидящей, панической, стяжательской и т. п. Толпа валется образованием, где происходит как бы уравнивание всех людей, подавление индивидуальности каждого человека, в ней оказавшегося. Люди в толпе ориентированы в одном направлении, они как бы захвачены некоторой общей идеей, страстью, поскольку, с точки зрения Г. Лебона, здесь образуется коллективная душа, хотя и временного характера, но вполне определенная по своим чертам. Г. Лебон объясняет это наличием коллективного бессознательно-го, лежащего в ее основании.

Таким образом, толпа не есть среднеарифметическое составляющих ее индивидов. Она имеет собственные признаки. Это связано с тем, что в толпе, во-первых, действует механизм анонимности, ибо действия относятся ко всем, как каждый полагает, а не к нему лично; в толпе, во-вторых, превалирует чувство коллективного «мы» – нас много, и мы поэтому сильны; в толпе, в-третьих, действуют механизмы заражения и внушения, ибо некритически воспринимаются и воспроизводятся любые призывы и формы поведения, а поэтому индивид становится как бы безвольным автоматом, он действует практически под влиянием инстинктов, приобретая по этой причине склонность к буйству, жестокости (правда, и героизму тоже). Ведь в толпе скупой человек может стать расточителем, трус – героем, а честный и законопослушный гражданин – превратиться в преступника. Г. Тард, подчеркивая эпидемичность, заразительность чувств, формирующих толпу, особо выделял такие их проявления, как дерзость – энергичное желание добиться чего-либо немедленно, соединенное с силой убеждения, что данное желание законно; гордость – живое желание господствовать и одновременно глубокая вера в собственное превосходство и, наконец, надежда и боязнь – амбивалентно проявляющиеся чувства уверенности,

что желаемое может быть достигнуто, и неуверенности, что кто-то этому может помешать⁵.

Такого рода особенности (социально-психологические законы), вычлененные Г. Лебоном и Г. Тардом для толпы, могут быть, на наш взгляд, рассмотрены не только для обозначения физического скопления, присутствия людей по тому или иному случаю, но и вообще для обозначения иррациональности («толпизма») поведения людей в некоторых особых ситуациях их общественной жизнедеятельности. Ведь в жизни нередко бывает так, что отдельные сообщества, люди следуют сиюминутной прихоти страсти, подчиняясь ее стихии, ведут себя в этой связи безответственно, полностью или частично уподобляя свое сознание и поведение как бы их нахождению в толпе. В этом смысле и народ как некоторая определенная масса людей, особенно в том случае, когда нет какой-либо действенной организации его рядов, в отдельных жизненных ситуациях может следовать иррациональным формам поведения и в этом смысле быть как бы толпой. Ведь любой массе людей в тех или иных условиях ее дезорганизации свойственна активность либо пассивность. Она может быть манифестирующей (открыто и активно демонстрирующей свои устремления) либо внимающей (вроде бы послушно принимающей и соглашающейся с доводами, например власть предержащих) совокупностью, единением людей в отношении конкретного исторического действия. Правда, было бы неверным всегда, для всех конкретно-исторических ситуаций рассматривать народ толпой, как это делали, например, Н. К. Михайловский и Г. Лебон, полностью перенося ее социально-психологические признаки на жизнедеятельность народных масс в целом. Абсолютизируя значение толпы в общественном развитии, Г. Лебон вообще считал, что современная ему эпоха может быть названа эрой толпы (это писалось им в конце XIX века). Г. Тард, оспаривая эту мысль Г. Лебона, доказывал, что толпа – это социальная группа прошлого. Сегодня, полагал он, следует говорить уже о наступившей эре публики или публик. Тем самым он пытался уподобить способы жизнедеятельности людей совре-

---

⁵См.: Тард Г. Личность и толпа. Очерки по социальной психологии. СПб., 1903.

менной ему эпохи (начало XX века) такому социально-психологическому образованию, как публика. С его точки зрения, публика – это чисто духовная коллективность, поскольку она есть совокупность индивидуумов, разделенных между собой физически, но соединенных лишь умственно. Это значит, что публика – это такое образование, когда люди не встречаются, не видятся, не входят в соглашение, разбросаны по обширной территории, сидят (например, каждый у себя дома) и читают какую-то свою газету или смотрят одну определенную программу телевидения. Естественно, все люди, составляющие ту или иную публику, связаны друг с другом. Однако эта связь – присущее им всем единство убеждений или страсти, сознание того, что такая-то идея или чувство общи им всем. Поскольку каждому из них это известно, они, даже не зная друг друга лично, испытывают на себе не только влияние общего вдохновителя (например писателя, телеведущего), но и влияние человеческой массы.

Г. Тард подчеркивает существенные особенности публики, отличая ее от толпы. Толпа, по Г. Тарду, имеет некоторые черты животности, ибо она пучок психологических заразительных влияний людей друг на друга именно благодаря их физическому соприкосновению (контакту). Если в одно и то же время человек может входить всегда лишь в одну-единственную толпу, то его вхождение в публику не ограничено, ибо одновременно он может принадлежать к нескольким родам публики: музыкальной, политической, литературной. Толпа крайне нетерпима, так как она обычно захватывает все существо человека, увлекает (пленяет) его неотразимой силой коллективности, всеобщности переживаемого момента. Люди же публики обычно несколько более терпимы. В публике преобладает скептицизм и вообще здравый смысл в отношении как внешних событий, так и собственной оценки у каждого человека. Если толпа – группа скорее более естественная, ибо она во многом подчинена влиянию природной среды (например, она зависит от дождя, который может рассеять толпу), то публика – группа более высокого порядка, она практически не подчинена капризам физической среды, климата. Кроме того, в толпу обычно всегда входит множество любопытных,

зевак, сторонних наблюдателей, которые примыкают к ней, как понятно, лишь наполовину, частично. Это свидетельствует о том, что состав толпы зависит от тех причин, по которым она возникла. В этой связи следует заметить, что толпу в большей мере, чем публику, отличает временность существования, всякого рода случайности и стихийность действий. Иначе говоря, толпа максимально зависит от внешних воздействий и манипуляций.

Все сказанное Г. Тардом относительно толпы и публики лишь доказывает, что ни толпа, ни публика как социально-психологические разновидности в формах массового поведения людей отнюдь не исчезают и в наше время. Соответственно и их значение (роль) в историческом процессе не может преуменьшаться или, наоборот, преувеличиваться. Более того, в современной жизнедеятельности людей нет жестких границ для перехода из толпы в публику и обратно. И толпа, и публика, каждая из этих форм – это результат и следствие складывающихся определенных исторических ситуаций в жизнедеятельности масс людей. Каждая из этих форм имеет как бы свою социальную нишу для существования и свой особый способ влияния на ход исторического процесса. Порой для некоторых конкретных ситуаций воздействие либо толпы, либо публики на процессы исторического действия может быть во многом решающим. Так, несомненно, что если какая-то определенная масса людей (народа) социально-психологически становится толпой, она выступает субъектом истории (при этом нередко оказывающим решающее воздействие на ход событий) при всякого рода коллективных беспорядках, бунтах, восстаниях. Соответственно, чрезвычайно значима роль толпы людей в массовых истериях, чьим порождением она собственно и является. Если же массы людей (народа) в определенных ситуациях социально-психологически уподобляются публике, то и они также неизбежно выступают субъектами истории, поскольку от их участия и воли в конечном итоге зависят решающие результаты демократических выборов, референдумов, плебисцитов. Более того, именно публика формирует и выражает общественное мнение через социологические опро-

сы, что, естественно, также характеризует ее роль как субъекта истории.

Следовательно, народ в любом случае может рассматриваться субъектом исторических преобразований. Однако его роль в историческом процессе всегда определена конкретно-ситуативными условиями социально-психологических связей толпы или публики в действиях и умонастроениях людей. Естественно, данное обстоятельство показательно лишь при рассмотрении внутренне неоднородных субъектов исторического действия. В любом другом случае, когда общность (масса) людей представляет собой внутренне относительную социальную однородность и имеет, кроме того, собственные действенные институты организации и управления, как, например, какой-либо класс или другая сплоченная общественная группа, то решающим субъектом исторического действия уже выступают этот класс или эта группа.

Указывая на любую общность (коллектив) людей как на субъект исторических изменений, было бы неправомерно рассматривать их роль в них в отрыве от личностей, равно как игнорировать значение той или иной личности быть субъектом истории. В этой связи несостоятельными, на наш взгляд, являются два взаимно исключающих друг друга подхода в философско-историческом объяснении значения личности в общественном развитии.

Несостоятелен подход, при котором всякой личности отказывают в самостоятельной, независимой (особой) от действий массы (народа) роли в истории. Согласно этой теории личность не может и не должна пытаться играть какой-либо значимой, решающей роли в истории, поскольку «голос единицы тоньше писка», а потому творцами общественного процесса всегда выступают только массы. Крайним выражением этой позиции, например, можно считать точку зрения П. А. Кропоткина, который полагал, что поскольку люди несовершенны, то всякая власть неизбежно портит даже самых лучших из них, а поэтому и не должно быть никаких авторитетов⁶. Такое чрезмерное ак-

---

6См.: Кропоткин П. А. Анархия, ее философия и идеал. СПб., 1906.

центрирование внимания на роли народных масс по существу сводит на нет роль любой личности в историческом процессе.

Неприемлем и другой подход, который абсолютизирует роль отдельной личности в истории, чрезмерно подчеркивает ее решающую роль в ней в целом. С точки зрения сторонников этой концепции, личность всецело определяет направленность истории, она как бы дает «импульс» ее ходу. Как часовщик заводит часы, обуславливая их работу, точно так же и личность, стоящая во главе государства, общественного движения, считают приверженцы этой концепции, определяет их развитие и амплитуду действия. Так, Б. Паскаль полагал, что даже маленькие события и незначительные случайности в действиях исторических деятелей могут иметь большие последствия. (Стала широко известной его фраза о том, что, если бы нос Клеопатры был намного короче, весь (политический) облик Земли был бы иным.) Кстати, в психоаналитической теории З. Фрейда решающую роль тоже играет личность – лидер. По мнению З. Фрейда, на лидера всегда направлены бессознательные либидонозные чувства толпы. Лидер, считает З. Фрейд, выступает в роли отца, и именно этим обуславливается единство толпы. Механизм идентификации толпы с лидером означает, что люди отказываются от собственного супер-эго (роль супер-эго – осуществлять контроль над их отношениями с обществом) и передают его функции лидеру, оказываясь тем самым в полной зависимости от его воли.

Какова же реальная роль личности в истории? Всякая ли личность, а если не всякая, то какая может стать субъектом истории, влиять на исторический процесс? Можно ли априори утверждать, что при определенных условиях личностное воздействие окажется решающим для истории? Отвечая на эти вопросы, скажем, что далеко не всякая личность оказывает влияние на ход общественных изменений человечества, страны, региона, даже какой-либо социальной ячейки. Большинству из нас суждено практически во многих случаях жизнедеятельности страны, эпохи, общества в целом оставаться людьми массы. Как писал Т. Карлейль: «Жизнь всякого человека можно сравнить с рекой. ...Сольется ли она с соседними реками, увеличивая их объем,

или примет их в себя? Останется ли она безымянной речкой; будет ли она питать своими мелкими водами вместе с миллионами других речек и рек какую-нибудь великую Реку? Мы этого не знаем; нам известно лишь одно, что путь ее лежит в Великий Океан, и эти воды ее, хотя бы их было не более горсточки, существуют и не могут быть уничтожены, не могут быть надолго задержаны»⁷. Конечно, каждый человек выступает субъектом своей собственной жизнедеятельности, нередко он играет и решающую роль в деятельности своего ближайшего окружения (семья, производственный коллектив, соседи). Но чем шире масштаб деятельности, тем уже круг людей, которые могут стать субъектами исторических изменений.

Люди, выступающие субъектами масштабных исторических процессов, в философии истории обычно называются историческими (выдающимися) личностями. При этом следует, конечно, иметь в виду, что это не только конкретно-реальные личности, так или иначе оставившие след в истории, но и символические фигуры (Христос, Будда), во многом определившие ее направленность. Кроме того, следует иметь в виду, что исторические (выдающиеся) личности, их деяния, конечно, могут оцениваться их современниками и потомками негативно. Однако последнее отнюдь не означает, что такая личность объективно не может рассматриваться как историческая и выдающаяся. Важно обратить внимание также и на то, что историческими субъектами, выдающимися личностями могут стать люди, деятельность которых достаточно отдалена от политики, напрямую не связана ни с управлением государством, ни с руководством общественными партиями или движениями. Выдающиеся ученые, писатели, музыканты, проповедники, философы порой оказывают не менее значительное влияние на людские массы, формируя их мировосприятие, а тем самым в определенной мере воздействуя и на ход и направленность исторического процесса, нежели лицо, даже наделенное огромной официальной властью.

Вопрос о роли личности в истории уходит своими корнями в седую древность. Уже в трудах Геродота, Плутарха, Светония и

---

⁷Карлейль Т. Этика жизни//Т. Карлейль. Теперь и прежде. М., 1994. С. 296.

других мыслителей древнего мира не просто стоял вопрос о роли отдельных выдающихся личностей – царей, полководцев, мудрецов – в историческом процессе, но и показывался огромный вклад деятельности тех или иных конкретных личностей в организацию общественной жизни, оценивались все их успехи и неудачи. Конечно, такого рода рассуждения античных мыслителей о деятельности выдающихся личностей в целом носили описательный, может быть, даже имели больше резонерско-морализаторский характер, ибо отправлялись не столько от фактов самой жизни ее реальных представителей, сколько от желаемых представлений видеть своих героев именно такими и никакими другими. Естественно, все это не выливалось в какую-либо систематизированную теорию всеобщей значимости выдающихся личностей в историческом процессе. Ведь ценность человека во многом (особенно на ранних этапах развития философии) определялась либо степенью его приобщенности к логосу – объективному миропорядку, либо, как позднее у Платона например, в каждой индивидуальной душе человека ум созерцает самого себя и является активным началом, регулирующим его поведение. Вместе с тем уже античные ученые положили начало традиции, в соответствии с которой личность и общество рассматриваются в тесной взаимосвязи, хотя, может быть, и с точки зрения чисто физического использования обществом человеческих возможностей. Кое-что в этой традиции уже в средние века было утрачено. Так, например, исчезли простая наглядность и конкретно-жизненный подход к действительности, что выгодно отличало писания античных авторов от их последователей в средние века и даже в Новое время, поскольку придавало соответствующий колорит неразрывности деяний человека и целей общества в данных условиях времени.

В философии средних веков практически все наличное бытие трактовалось, исходя из идеи надмирового начала – Бога. Считалось, что разум – это атрибут Бога, а человеку свойственна лишь «малюсенькая искорка» всеобъемлющего пламени божественного разума. Естественно, такого рода позиция не только сводила на нет античную концепцию героизма особенной (воен-

ной, дипломатической, государственной) деятельности человека на благо общества, но практически суживала проблему, ибо сводила рассмотрение взаимосвязей истории и человека к божественной предопределенности, к божественному промыслу. Конечно, справедливости ради, следует заметить, что полностью отказаться от рассмотрения деяний человека независимо от общества было невозможно, а поэтому хотя бы на уровне отображения конкретных ситуаций эти проблемы ставились и решались.

Разрыв со средневековьем в вопросе о движущей силе истории нашел свое яркое воплощение у Н. Макиавелли. Характерно, что в отличие от резонерско-морализаторских писаний античных авторов, предлагавших идеал государственного деятеля, обладающего, как правило, только превосходными качествами, Н. Макиавелли соотносит человеческие качества с реальными жизненными условиями. Он разрабатывает теорию действий конкретного носителя власти. Н. Макиавелли убежден, что судьба народа, стремительно приближающегося к политическому упадку, может быть предотвращена только героем (т. е. по сути деятельностью выдающейся личности государя). Он полагает, что если государь всецело полагается на судьбу, то он не сможет выстоять всецело против ее ударов. Ведь люди действуют по-разному, пытаясь достичь цели, которую каждый ставит перед собой. Бывает так, что «двое людей, поступающих различно, достигают одинакового успеха, а из двух других, действующих одинаково, один приходит к своей цели, а другой нет». По мнению Н. Макиавелли, зависит это от того, что один образ действий совпадает с особенностями времени, а другой не совпадает⁸. Именно потому, считает Н. Макиавелли, что «судьба – женщина, и, если хочешь владеть ею, надо ее бить и толкать. Известно, что таким людям, – пишет он, – она чаще дает победу над собою, чем тем, кто берется за дело холодно»⁹. Как видим, учение Н. Макиавелли имеет прежде всего конкретно-историческую ценность, ибо отражает социально-политические реалии

---

⁸Макиавелли Н. Государь. М., 1996. С. 104.

⁹Там же. С. 105.

эпохи Возрождения со всеми ее достижениями и противоречиями. Однако это учение несет в себе и потребности эпохи Нового времени, поскольку уже ставит вопросы о том, каким требованиям разума должен отвечать человек в истории.

В Новое время, особенно в эпоху Просвещения, вопрос о героической (выдающейся) личности рассматривается прежде всего в плоскости анализа особых качеств этой личности, в частности, например с точки зрения специфической разновидности ее ума или идей, которые этот ум выдвигает. В трудах Э. Кондильяка, Ж. Ламегри, К. Гельвеция и многих других философов этой эпохи историческая (выдающаяся) личность – это личность, обратившая на себя внимание истории, и это такая личность, которая, как правило, гениальна и почти всегда является гением. Данная характеристика, конечно, не случайна: понятие «гений» происходит от латинских слов *gignere*, *gigno*, что переводится как «порождаю», «произвожу», т. е. это слово как бы предполагает изобретение или открытие, которым люди обязаны гению. С точки зрения К. Гельвеция, открытие или изобретение – единственное свойство, принадлежащее всем без исключения различным гениям. Ведь открытие, считает К. Гельвеций, подразумевает создание новой комбинации, нового соотношения, замеченного между известными предметами или идеями. В том случае, если идеи, вытекающие из этого соотношения, образуют большое целое, богаты истинами и полезны для человечества, то, рассуждает далее К. Гельвеций, мы, следовательно, имеем дело с гением. Конечно, чтобы заслужить название гения, уточняет он, вовсе недостаточно новизны и необычайности идей. Для этого необходимо, чтобы сами идеи были или общими, или особенно интересными¹⁰.

Таким образом, идеи философов XVIII века внесли значительный вклад в понимание проблемы выдающейся личности, поскольку акцентировали внимание на ее качественных особенностях. Вместе с тем их вывод о том, что мнения правят миром, конечно, в определенной мере принизил ряд ценных и глубоких их мыслей о зависимости поступков выдающихся личностей, во-

---

¹⁰См.: Гельвеций К. Об уме//Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1974. С. 483.

обще людей от окружающей среды и не позволил раскрыть действительную роль личности в истории. Однако эти мыслители, разрешая задачу идеологической подготовки буржуазной революции, много сделали для того, чтобы проблема человека как движущей силы истории заняла достойное место в философии следующих поколений.

Новая эпоха в решении вопроса о выдающейся личности была открыта немецким классическим идеализмом, рассматривающим проблему личности и общества на основе принципов активности человека, историзма деятельности, диалектики индивидуальной и социальной. Так, например, Гегель вплотную подошел к проблеме социально-исторической природы человека и ввел принцип историзма в понимание его деятельности. Гегель исходит из того, что сознание личности (субъективный дух), будучи необходимо связанным с объектом, определяется историческими формами общественной жизни (правда, последние идеалистически толковались им как воплощение объективного духа). Пожалуй, впервые в философии Гегель целенаправленно ставит проблему об исторических деятелях (всемирно-исторических личностях, как он их называет), условиях и особенностях содержания их деятельности. С точки зрения Гегеля, важнейший отличительный признак выдающегося деятеля, залог эффективности его действий – цель. Гегель считает, что цель, для осуществления которой человеку необходимо быть деятельным, должна каким-либо образом являться и его собственной целью, поскольку человек всегда при этом осуществляет и свою цель. Однако эффект деятельности человека обнаруживается только в том, что его собственные интересы всецело поглощены общими, стали нераздельны с ними. Человек целиком отдается предмету, сосредоточивает на общей цели все свои силы и потребности. Именно поэтому «историческими людьми, всемирно-историческими личностями, – пишет Гегель, – являются те, в целях которых содержится такое всеобщее», которое составляет основу в существовании народа или государства¹¹.

---

¹¹ Гегель Г. Философия истории. СПб., 1993. С. 81.

Гегель отмечает, что великих людей в истории следует называть героями, ибо они черпают свои цели и свое призвание не просто из спокойного, упорядоченного хода вещей, а из источника, содержание которого было скрыто и недоразвилось до наличного бытия, из внутреннего духа, который еще находится под землей и стучится во внешний мир, как в скорлупу. В этой связи кажется, говорит Гегель, что будто бы герои творят сами из себя и что их действия создали такое состояние и такие отношения в мире, которые являются лишь их делом и их созданием. Но это кажимость, утверждает Гегель, ибо дело выдающейся личности – знать всеобщее, необходимую ближайшую ступень в развитии мира, сделать ее своей целью и вложить в ее осуществление свою энергию. Именно великие люди, рассуждает далее Гегель, лучше всего понимают суть дела, а все другие люди лишь усваивают это их понимание и одобряют его или по крайней мере примираются с ним. Все другие люди идут за этими духовными руководителями из-за того, что чувствуют непреодолимую силу их собственного внутреннего духа, который противостоит им. Ведь люди становятся великими постольку, поскольку они хотят и осуществляют великое, и притом не воображаемое и мнимое, а справедливое и необходимое. Такой способ определения выдающейся личности, считает Гегель, исключает так называемый психологический подход, который старается выяснить внутренние мотивы всех поступков и придать им субъективный характер, так что будто бы эти люди делают все великое под влиянием лишь какой-нибудь страсти, желания. Хотя ничто великое в мире не совершается без страсти, говорит Гегель, частный интерес страсти неразрывно связан с обнаружением всеобщего, потому что всеобщее является результатом частных и определенных интересов, их отрицания. В этой связи, делает вывод Гегель, вся жизнь великих людей является тяжелым трудом, и, когда цель достигнута, они отпадают, как пустая оболочка зерна.

Гегелевская концепция всемирно-исторической личности, подчеркивающая активный, деятельный характер существа всякой выдающейся личности, несомненно имела важное научно-теоретическое значение. Она оказала огромное влияние на ин-

терпретацию вопросов о субъектах истории многих философских учений, в том числе, конечно, и на марксистскую трактовку роли личности в истории.

В решении этой проблемы марксисты исходят из положения о решающей роли народных (трудящихся) масс в истории, подчеркивая возможность личности влиять на ход исторического процесса. Согласно учению марксизма это влияние выражается в том, что те или иные действия личности могут придать этому процессу соответствующую окраску, в результате чего может иметь место и личностный отпечаток в нем. Оценивая такой подход, наверное, можно сказать, что марксизм снимает крайности тех позиций в философии истории, когда чрезмерно акцентировалось внимание на роли либо народных масс, либо отдельных личностей в историческом развитии общества. В этом смысле марксистский подход можно назвать более основательно проработанным и диалектичным, поскольку роли народа и личности в истории анализируются в неразрывной связи. Наиболее последовательно и четко принципы этого подхода выражены Г. В. Плехановым в его известной статье «К вопросу о роли личности в истории».

Говоря о выдающейся личности, условиях и возможностях ее воздействия на ход общественных процессов, Г. В. Плеханов показал, что необходимо целостно представлять обстановку, которая формирует деятельность такой личности в истории. В этой связи он рассматривает три группы причин:

общие причины – развитие способа производства, что диктует общие задачи в деятельности общества и личностей;

особенные причины – историческая обстановка, в которой происходит развитие производительных сил, обуславливающих состояние политических и духовных отношений в обществе. (Данные причины обуславливают конкретные возможности реализации этих задач обществом и личностью);

единичные причины — случайности и личные особенности общественной деятельности, благодаря которым события получают индивидуальную окраску и в результате имеет место свое-

образе в понимании и осознании этих задач отдельными личностями.

Г. В. Плеханов рассматривал эти группы причин в единстве и взаимосвязи, полагая, что поскольку единичные причины не могут произвести коренных изменений в действии общих и особенных причин, то, следовательно, личность определяет лишь индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия. Личность тесно связана с классом, народными массами, и, только выражая их подлинные интересы, она может занять соответствующее место в истории, оказывая влияние на исторический процесс. «Великий человек, – писал Г. В. Плеханов, – велик... тем, что у него есть особенности, делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам»¹². Таким образом, Г. В. Плеханов, вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом, идеи которых он популяризировал и развивал, показал, что общественные процессы определяются в конечном итоге не идеями и стремлениями выдающихся личностей, а развитием материальных условий и борьбой классов. Не идеи определяют экономическое состояние общества, а, наоборот, его экономическое состояние определяет идеи, пожелания, интересы людей – такова, как известно, марксистская позиция в этих вопросах.

Отправляясь от этих положений, В. И. Ленин и его последователи особенно стремились подчеркнуть мысль о том, что великие люди появляются в результате потребностей исторического развития, и их деятельность тем успешнее, чем глубже они выражают эти потребности, воплощаясь в интересах определенных классов. Именно поэтому появление той или иной конкретной выдающейся личности всегда рассматривалось В. И. Лениным преимущественно случайным по отношению к историческому процессу и общественным силам, в частности трудящимся классам, которые олицетворяют прогрессивный ход этого процесса. «Незаменимых людей нет» – вот принцип такой политической практики. Однако было бы вместе с тем ошибкой утверждать, что вопрос о субъекте истории у В. И. Ленина сводится всецело и исключительно только к классу. Он видит и

---

¹²Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории//Избр. философские произведения: В 5 т. Т. 2. М., 1956. С. 333.

необходимость появления выдающихся личностей, поскольку признает, что класс не может прийти к власти, не выдвинув своих руководителей, вождей. «Ни один класс в истории не достигал господства, – писал В. И. Ленин, – если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им»¹³.

Рассматривая соотношение народных масс и личности в революционном рабочем движении, В. И. Ленин, естественно, не мог не обратить внимания на вопрос об особых персональных качествах, которыми необходимо должен обладать всякий исторический деятель. Он считает, что благодаря этим качествам собственно и происходит рекрутирование исторического деятеля – вождя. (Кстати, В. И. Ленин в большей мере уже оперирует понятием «вождь», а не выдающаяся или историческая личность, поскольку у него в основном идет речь лишь о политическом руководителе.) Согласно В. И. Ленину, особые качества вождя определяются не уникальностью и исключительностью его социального поведения, не противоположностью его деяний историческому делу масс, а, наоборот, способностью видеть, мыслить, чувствовать и желать то, что хотят массы, но видеть дальше и понимать глубже их. Мерой значимости такой личности, по В. И. Ленину, является не отличие от массы, а степень гармонии, слитности с нею. Именно поэтому в качестве необходимых требований для вождя пролетарского движения он выдвигал такие его свойства, как связь с массами – жить в гуще, знать настроения, понимать массу, уметь подойти, завоевать ее абсолютное доверие¹⁴. В. И. Ленин постоянно говорит и о необходимости таких свойств вождя, как беспредельная преданность народу, интересам борьбы за коммунизм, способность творчески развивать теорию на основе объективного учета запросов практики, организаторский талант, умение сочетать убеждение и принуждение и т. п. Пристальное внимание В. И. Ленина к разработке такого рода вопросов отнюдь не только вызывалось пиететом к авторитету политического деятеля, борца за дело рабочего класса, но и было обусловлено самой практикой революци-

---

13Ленин В. И. Насущные задачи нашего движения / Полн. собр. соч. Т. 4. С. 375.

14Ленин В. И. Планы тезисов «О роли и задачах профсоюзов // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 497.

онного движения, необходимостью творческого руководства массой народа. «Марксисты, – писал он, — не могут стоять на обычной точке зрения интеллигента-радикала с его якобы революционной отвлеченностью: «никаких авторитетов». Нет. Рабочему классу, ведущему во всем мире трудную и упорную борьбу за полное освобождение, нужны авторитеты»¹⁵. В этой связи В. И. Ленин подчеркивает, что «без «десятка» талантливых (а таланты не рождаются сотнями), испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом, невозможна в современном обществе стойкая борьба ни одного класса»¹⁶.

Здесь трудно не согласиться с этими ленинскими положениями. Однако, к сожалению, практика директивного ведения хозяйства страны, жесткая централизованная регламентация всех сторон жизни советского общества, в частности исключение подлинных демократических механизмов принятия решений самими людьми, не могли не трансформировать и качественно не преобразить авторитет руководителя сначала в авторитет руководящей должности, а затем нередко и в культ человека – носителя этой должности. Еще Т. Карлейль рассматривал уважение к политическим деятелям душой общественных отношений между людьми, считая, что способ выражения этого уважения служит истинным масштабом степени развития этих отношений. «Если мы сами холопы, – пишет он, – для нас не будет существовать героев. Мы не узнаем героя, даже когда увидим его, – мы примем шарлатана за героя»¹⁷. Данное замечание Т. Карлейля имеет важное значение, ибо никакой подлинный авторитет политического или иного деятеля не мыслим вне определенной совокупности как объективных условий, исключаящих какой бы то ни было культ, так и субъективных оснований, т. е. способностей и талантов самой личности деятеля заслужить, завоевать авторитет среди людей своей деятельностью в обществе, а не благодаря должности или, скажем, давлению каких-то групп. Вот почему, рассматривая деятельность личности, например политического лидера, и народной массы, класса или любой другой социальной

15Ленин В. И. Предисловие к русскому переводу брошюры К. Каутского//Полн. собр. соч. Т. 14. С. 226.

16Ленин В. И. Что делать?//Полн. собр. соч. Т. 6. С. 121—122.

17Карлейль Т. Прошлое и настоящее/Теперь и прежде. М., 1994. С. 227.

группы в тесной взаимосвязи, важно, на наш взгляд, видеть все же определенную самостоятельность такой личности как субъекта, движущей силы исторического процесса. Конечно, самостоятельность личности как субъекта истории не следует понимать так, будто бы действия этой личности всегда приобретают самодовлеющий характер и что при этом напрочь исключается какая-либо ее зависимость от общественных сил и объективных обстоятельств. Любая личность, какой бы гениальной она ни была, не может выйти за рамки объективно сложившихся общественных отношений, противопоставить себя всем и вся. Ведь любая личность не есть нечто изолированное и независимое, она бесчисленными и тончайшими нитями связана с охватывающей ее национальной или иной социальной группой. То же относится и к деятельности любого политического лидера. Личность политического лидера имеет свои, строго определяемые конкретными обстоятельствами общественной жизнедеятельности, возможности и способы воздействия, влияния на социальные группы, массу, а следовательно, и ход исторического развития. Вместе с тем роль личности политического лидера может быть и решающей в каких-либо отдельных, ограниченных временем и местом обстоятельствах, в конкретных условиях организации направления разноречивых движущих сил исторического процесса на основе имеющихся у него возможностей более активно воздействовать на институциональные рычаги общества. И дело здесь не только, скажем, в обладании этой личностью реальной властью, наличии мощной поддержки определенных сил, но и свойственных ей природных наклонностям и талантах выдвигать и претворять социально значимые идеи, чтобы стать решающей движущей силой общественного процесса. В этой связи существенную роль могут иметь такие особые качества личности, как, например, профессиональное чутье, организаторский талант, способность к компромиссам, умение маневрировать. Обладание такого рода качествами также может свидетельствовать о реальных возможностях лидера действовать в качестве решающей движущей силы общественного развития в соответствии с поставленными им целями и задачами.

Таким образом, можно высказать суждение о том, что в некоторые особо критические моменты истории (в состояниях кризи-

са, политической дезорганизации и низкого уровня духовности масс) личность может стать и решающим ее субъектом, в значительной степени не только воздействовать, влиять на ход общественных процессов, но и определять характер и способы развития жизнедеятельности людей. Понятно, что сами такие моменты истории поощряют личную инициативу и личную деятельность. Однако ясно и другое: без активной или молчаливой поддержки, без равнодушия или просто усталости масс (большинства людей) невозможны не только реформы, революции, какие-то иные движения в общенациональном масштабе, но и любые личностные усилия. Вместе с тем, даже в такого рода неординарных ситуациях, когда последнее слово остается за той или иной коллективностью (массой), все равно ее «брожение» чаще всего инициируется именно личностью. В связи с этим закономерен вопрос о том, как, каким образом личность может возвыситься над массой, повелевать ею, ворочать всей, например, страной, проводить какие-либо реформы, идущие в противовес ее чаяниям. Объясняется это, естественно, множеством разных причин. Но наряду с этим нельзя исключать и такое, например, объяснение, которое приводит в своем размышлении над данным вопросом П. А. Кропоткин. На вопрос о том, каким образом Робеспьер мог так ворочать всей Францией, имеется достаточно достойный ответ: «Да, в каждой деревне был свой Робеспьер!» Иначе говоря, Робеспьер – только воплощение того, что творилось в то время в каждой деревне. Вполне понятно, что для таких деяний личности необходимы соответствующие условия социально-экономического, политического, организационного плана, но необходимы и определенные личностные установки и необходимые свойства (способности) самой личности все организовать и осуществить. Соответственно с изменением этих условий меняются и сами возможности личности определять исторический процесс, оказывать значимое воздействие на его ход.

Значительный вклад в разработку вопроса о роли личности в истории применительно уже к современным условиям развития общества внес М. Вебер. Он решает эту проблему также в аспекте значимости личности руководителя (использует понятие «лидер») как явления, характерного для всех исторических эпох. Однако его концепция лидерства приобретает иную форму выра-

жения, чем в марксизме. Если у Г. В. Плеханова и В. И. Ленина вождизм рассматривается сугубо классовым явлением, ибо вождь лишь олицетворяет интересы власти (диктатуры), то у М. Вебера вождизм воплощается в формулу-образ партийного лидера, обязанного действовать строго в рамках конституционного (правового) государства. М. Вебером утверждается определенная свобода действий лидера уже не в пределах каких-либо реализуемых классовых целей (хотя понятно, что таковые цели им также могут ставиться и осуществляться), но в условиях правовых форм функционирования институтов власти. Соответственно, концепция М. Вебера закладывает основания для разностороннего анализа деятельности собственно конкретного политического лидера в условиях развития демократических обществ.

В общесоциологическом анализе М. Вебера уже прослеживается мысль о том, что рамки деятельности, влияния политического лидера на ход общественных процессов должны ограничиваться конституционными (правовыми) формами организации общественной жизни людей. Это означает, что с формированием правовых государств лидер уже не может по собственному произволу осуществлять руководство общественной жизнью, поскольку все его полномочные функции жестко регламентированы. Собственно, отсюда напрашивается вывод, который подтверждается практикой, что держателем такого рода власти, функционером от нее может стать любой человек или группа лиц. Совсем не обязательно лица, обладающие властью, будут выдающимися личностями (обладать некими неординарными качествами), они просто должны быть профессионалами. Руководство делами общества, выработка и принятие решений все более становятся как бы полуанонимными, поскольку все более растворяются в разветвленной системе согласований и экспертиз в различных комиссиях, комитетах, подкомитетах, советах и других органах, созданных и функционирующих на базе институтов исполнительной и законодательной власти. Конечно, и в такой ситуации может появиться и появляется некая выдающаяся личность (каковой может быть и харизматическая личность), которой, по выражению М. Вебера, позволительно возложить руку на спицы колеса истории, если она обладает тремя решаю-

щими качествами: страстью, чувством ответственности и глазомером¹⁸.

Страсть – это особое состояние возбужденности во все поглощающей организации на существо дела, полная самоотдача тому делу, которому человек служит. Настоящий лидер рождается и вскармливается страстью. Страсть – это как бы факел, освещающий его деяния. Однако, как понятно, сама по себе страсть еще не сделает того или иного человека лидером, если она не будет дополнена и слита с ответственностью именно перед этим делом. Вот для этого-то, считает М. Вебер, и необходим глазомер – особая способность быть внутренне собранным, спокойным, расчетливым, чтобы соотносить свою ответственную страсть к делу, к реальным процессам жизни, ее необходимым требованиям, к политике. Другими словами, всегда необходимо некоторое дистанционирование лидера в отношении обстоятельств и людей и их реальной жизни. «Отсутствие дистанции» М. Вебер считал одним из тяжких огрехов всякого человека, претендующего на лидерство, ибо это обрекает его в конце концов на неспособность к политике вообще. В отличие от дилетантизма, профессионализм в политике в большей мере как раз и определяется привычкой и умением дистанцироваться, иметь глазомер, чтобы «снимать» должным образом страстные порывы, возбужденность самого состояния быть «при власти», «находиться у власти». Согласно М. Веберу, сила личности лидера в первую очередь означает наличие этих качеств, умение ограничивать свои страстные властные ориентации взвешенными, ответственными решениями и действиями не только по отношению к внешним обстоятельствам и людям, и делу, но и по отношению к самому себе. Особо нетерпимым в данном отношении, по М. Веберу, является тщеславие, которое начинается там, где стремление к власти становится предметом как бы сугубо личного «самоопьянения», вместо того чтобы служить исключительно делу. В этой связи, полагает М. Вебер, существует два рода смертных грехов: уход от существа дела и безответственность. Тщеславие есть по сути один из этих грехов или оба сразу. М. Вебер доказывает, что дело, служба которому человек стремится к

---

¹⁸См.: Вебер М. Политика как призвание и профессия//М. Вебер. Избранные произведения. М., 1990. С. 690.

власти и употребляет власть, – это вопрос веры, а поэтому он может служить различным целям, но какая-либо вера, подчеркивает М. Вебер, должна быть в наличии всегда. Всякому, кто стремится к лидерству, необходимо осознавать свою ответственность за то, что под влиянием следования определенным этическим принципам получится и из него самого, и из его политики. Политический лидер живет в постоянном напряжении, которое в любой момент может разразиться непримиримым конфликтом. Именно поэтому, с точки зрения М. Вебера, для профессионального, сильного политического лидера так важны нравственная уверенность, стойкость и последовательность.

Итак, роль личности в истории по мере создания условий для правового общества все более будет ограничиваться (это касается прежде всего политики) профессиональной сферой деятельности, уровнем профессионализма. Вместе с тем будет расти значение в истории различного рода коллективностей, групп.

Интересно анализирует эти тенденции известный французский философ и социолог А. Турен в своей книге «Возвращение актора»¹⁹. Он вводит понятие «актора» – действующего лица, субъекта (малая группа, территориальная общность, профсоюз, партия), самостоятельно выступающего на социальной и политической арене. А. Турен подчеркивает, что коль скоро есть действие, то должны быть и действующие силы, субъекта таких действий. Общество движется усилиями акторов, главнейшими из которых он считает социальные движения (рабочее, профсоюзное, экологическое, женское и т. п.). А. Турен полагает, что сегодня эти социальные движения могут конституировать сами себя вполне независимо и из любой социальной смеси. Так, скажем, экологическое движение объединяет представителей различных классов, слоев, профессий. Главная особенность всех таких движений состоит в том, что они являются сугубо социальными, возникают не на почве единого политического действия или приказа, а под влиянием общественного мнения. С точки зрения А. Турена, эти движения диффузны, а не концентрированы, поскольку это движения протеста, и они ставят главной целью не завоевание и преобразование государства, но защиту индивидов, малых групп, вообще всяких меньшинств от цен-

---

¹⁹Touraine A. Return of the Actor. Social Theory in Postindustrial Society. NY. 1988.

тральной власти. Иначе говоря, эти движения, согласно А. Турену, нельзя отождествлять с защитой исключительно прав большинства и считать по литическими. Тем самым, полагает он, сфера действий субъекта истории трансформируется из политической в социальную и духовную, ибо постепенно кончается диктатура политики в истории.

Отмечая правильность подмеченной А. Туреном общей тенденции возрастания значимости коллективного субъекта в истории, мы видим, что уже в наши дни разные социальные движения становятся решающей движущей силой в общественном развитии. При этом эти разнообразные социальные движения (массы, группы людей) выступают уже не в виде только неорганизованных совокупностей (толпы или публики), а в виде сознательно ставящих и последовательно реализующих свои жизненные цели неполитических организованных коллективов.

ЛИТЕРАТУРА

- Вебер М.* Политика как призвание и профессия//Избр. произведения. М., 1990.
- Гегель Г. В. Ф.* Философия истории. СПб., 1993. Введение.
- Карлейль Т.* Герои, почитание героев и героическое в истории//Т. Карлейль. Теперь и прежде. М., 1994.
- Лебон Г.* Психология народов и масс. М, 1995. Кн. 2.
- Ленин В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме //Полн. собр. соч. Т. 41, гл. 5.
- Макиавелли Н.* Государь. М. 1996.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство, или Критика критической критики//Соч. Т. 2, гл. 6–7.
- Плеханов Г. В.* К вопросу о роли личности в истории//Избр. философские произведения: В 5 т. Т. 2. М., 1956.
- Спенсер Г.* Синтетическая философия. Киев, 1997. Глава XXII.
- Тард Г.* Социальные этюды. СПб., 1902.
- Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991. Ч. 2